

ному стуку въ запертыя наружныя двери церкви, въ которой были собраны прихожане, и по послѣдовавшимъ вопросамъ и отвѣтамъ на вопросы о томъ, кто тамъ? и чего нужно?—раскрылись двери и 4 пастора съ Розенштраухомъ во главѣ, неся каждый символическіе знаки христіанства: распятие, дарохранительницу, чашу и евангеліе, съ подобающею торжественностью, вступили въ церковь и направились къ алтарю, на которомъ размѣстили святости при превосходномъ пѣніи ликующаго хора. Дѣвицы, одѣтыя въ бѣлыя платья, усыпали путь духовенства цвѣтами. Началась литургія, которую отслужилъ Розенштраухъ, затѣмъ послѣдовала превосходная проповѣдь, приличная случаю, п. Дикгофа. Послѣ обѣда прихожане собрались вновь и слушали проповѣди Штейнманна и миссіонера Гааза.

Итакъ, всегдашнее желаніе Лютеранъ имѣть свою церковь заботами и усердіемъ Розенштрауха наконецъ увѣчалось успѣхомъ. Но не этимъ одними обязаны Харьковскіе лютеране незабвенному своему пастору. Образованіе дѣтей его прихожанъ было близко его любвеобильному сердцу и просвѣщенному уму. Имъ было положено основаніе и церковной школы. Учитель музыки Гильдебрандъ взялъ на себя трудъ безвозмезднаго преподаванія, но пасторъ уступилъ ему въ вознагражденіе назначенное пасторское жалованье 400 р. асс. и изъ прочихъ своихъ доходовъ удѣлилъ не мало въ пользу школы.

Хотя и въ планахъ Розенштрауха было обезпеченіе вдовъ и сиротъ, но не ему удалось это исполнить, а его преемнику, который открылъ сиротско-вдовой пріютъ. Но при жизни своей Розенштраухъ приносилъ для вдовъ и сиротъ, какъ и вообще для бѣдныхъ, жертвы, очень значительныя по его средствамъ. Благодарные прихожане воздвигли Розенштрауху великолѣпный надгробный гранитный памятникъ на устроенномъ имъ же кладбищѣ.

Современный Розенштрауха портретъ былъ отпечатанъ въ г. Харьковѣ въ литографіи Тюлева, съ подписью внизу: Johannes Ambrosius Rosenstrach weiland Consistorialrath und Pastor der ewangelisch-lutherischen Gemeinde zu Charkow. Ertrag für die Stiftung zum Gedächtnisse des Pastors Rosenstrach bei der Kirchenschule zu Charkow.

Жокошкинъ, Сергѣй Александровичъ, Харьковскій генералъ-губернаторъ.

(Изъ записокъ Ф. О. Рейнгардта).

Безслѣдно для благоустройства города Харькова протекло время управленія тремя губерніями, отъ 1844 до 1847 годъ, генералъ-губернатора кн. Николая Алексѣевича Долгорукова, вельможи въ полномъ смыслѣ и сибарита, но человѣка добраго, никому зла не причинившаго, любившаго пожить—и широко пожить и покушать, не уступая въ этихъ качествахъ предметнику своему князю Николаю Васильевичу Рѣнину, генералъ-губернатору Полтавскому и Черниговскому, который имѣлъ резиденцію въ Полтавѣ. Этотъ герой отечественной войны, правившій въ качествѣ вице-короля Саксонію, во время ея оккупации въ 1813 г., не уронилъ тамъ честь Русскаго барина: жилъ онъ, какъ исторія гласитъ, чисто по королевски и умудрился въ Дрезденѣ задолжать громадную сумму, которую, однако, добродушный государь Александръ I-й уплатилъ за него.

Въ памяти Харьковцевъ остались непрерывные праздники, устраиваемые то княземъ Долгорукинымъ, то здѣшней аристократіею. Да и красавица супруга его, полька, и при томъ усердная католичка, не любила скучать. Впрочемъ, сочувствіе къ страждущему не чуждо было добрыхъ сердецъ кня-

зи и книгини Долгорукихъ. Устраиваемые съ благотворительною цѣлю, подъ руководствомъ книгини Долгоруковой, вечера въ видѣ концертныхъ, благородныхъ спектаклей, живыхъ картинъ и аллегрій, были сочувственно принимаемы дворянствомъ. Въ концертахъ участвовали знаменитый виолончелистъ князь Николай Борисовичъ Голицынъ попеременно съ Дрейшюкомъ, игравшимъ на рояли. Въ спектакляхъ и живыхъ картинахъ, особенно въ послѣднихъ, принимала участіе и сама кн. Долгорукая, которая съ чрезвычайнымъ эффектомъ выполняла, напр., главную роль въ картинѣ „Двумъ мужчинамъ“ и была очаровательна. Затѣмъ г-жи Щербинина, Муханова, Данзасъ, дѣвицы Лихачева и Свѣтловская, гр. Сиверсъ, Веселовскіе, кн. Голицынъ, П. И. Нахимовъ, А. С. Левшинъ и многіе другіе съ большимъ усердіемъ подвигались на пользу страждущаго человѣчества.

Такимъ способомъ собрана довольно значительная сумма, которая увеличилась еще частными жертвами дворянъ и купечества, давшая возможность осуществить заветное желаніе кн. Долгоруковой, поставить себѣ памятникъ въ учрежденіи въ Харьковѣ Благотворительнаго Общества съ устроенной при немъ богадѣльней, которая первоначально была устроена на Москалевкѣ. 1 марта 1844 г. совершилось торжественное открытіе богадѣльни. Послѣ освященія поданъ былъ обѣдъ, на которомъ, за особымъ столомъ, участвовали 6 женщинъ и нѣсколько мужчинъ, принятыхъ уже въ богадѣльню. Первою смотрительницей была М. И. Туркина. Дѣтскій пріютъ основанъ въ 1842 г. кн. Голицыной, которая пожертвовала на него 10,000 рублей. Въ 1847 году смерть похитила у насъ добраго кн. Долгорукова. Миръ праху его! Съ чувствомъ неподдѣльной грусти жители Харькова всѣхъ сословій, особенно высшаго, провожали бранные останки его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, въ притворѣ Харьковскаго Успенскаго кафедральнаго собора.

Одновременно съ кн. Долгорукимъ въ Харьковѣ былъ попечителемъ учебнаго округа маститый старецъ, слѣпой гр. Головкинъ, заслуженный и знаменитый въ свое время царедворецъ, вельможа, богачъ, благодѣтель и истинный попечитель вѣреннаго ему юношества. Дѣятелемъ по управленію учебнымъ округомъ былъ помощникъ его гр. Панинъ. Доживалъ старецъ свой дѣятельный вѣкъ при попечительномъ уходѣ за нимъ экономки—хозяйки его, г-жи Мазановской. Кончина его всѣхъ привела въ изумленіе, когда явившееся православное духовенство при тѣлѣ усопшаго застало молящагося настора Ландезена. Тутъ только узнали, что коренной русскій вельможа исповѣдывалъ лютеранскую вѣру, въ которую онъ былъ окрещенъ, родившись за границей. Но это не помѣшало и православному духовенству, особенно служившимъ при учебныхъ заведеніяхъ, сопутствовать покойному при торжественной процессіи, въ которой, кромѣ служащихъ подчиненныхъ и городскихъ властей, участвовалъ весь городъ.

Преемникомъ кн. Долгорукова и вмѣстѣ съ тѣмъ и попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа былъ назначенъ бывшій Петербургскій обер-полицеймейстеръ Сергій Александровичъ Кокоскинъ. Хотя по происхожденію своему онъ былъ не менѣе знаменитаго рода, чѣмъ его предшественникъ, но составлялъ ему совершенную противоположность. Будучи инженеромъ, всю душою преданнымъ этой специальности, при томъ опытный и расчетливый хозяинъ, онъ отличался необыкновенной дѣятельностью и энергіею, хотя имѣлъ уже за 60 лѣтъ; былъ строгъ къ самому себѣ и не менѣе къ своимъ подчиненнымъ, отъ которыхъ требовалъ неуклоннаго исполненія своихъ приказаній. Человѣкъ съ такими задатками не могъ не быть замѣченнымъ и отличеннымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Новое назначеніе его открывало обширное поле неуспѣшной его дѣятельности, и если современники не цѣнили вполне труды и заботы его о благоустройствѣ Харькова и даже за настойчивое требованіе исполненія его приказаній, клонящихся ко благу города, его не полюбили и считали жестокимъ, то на это были причины, въ число которыхъ входила обычная ха-

латность, съ которою члены городского управленія привыкли исполнять свои обязанности. Дѣятельность С. А. Кокоркина проявилась вскорѣ по приѣздѣ его въ Харьковъ, въ Залопанской части, осушкою болотъ, устройствомъ на Екатеринославской улицѣ бассейна и сквера, возвышеніемъ береговъ Лопани, устройствомъ новаго моста Лопанскаго и выше его Благовѣщенскаго, а ниже черезъ Лопань съ Конторской улицы на Москалевку, Троицкаго моста съ плотиною. Послѣдній, впрочемъ былъ не удаченъ: онъ оконченъ къ зимѣ и снесенъ весеннимъ ледоходомъ. Мосты Харьковскій, Кузнецкій и Нетеченскій, по его распоряженію, перестроены и снабжены ледорѣзками. Берега Харькова возвышены. Улица Екатеринославская выровнена и особенно у Дмитріевской церкви срубана и замощена. Важную услугу городу оказалъ онъ пониженіемъ спуска Холодной горы на протяженіи версты и шоссированіемъ этой дороги. До этого подъемъ горы былъ очень крутъ, и во время грязи экипажамъ и обозамъ доставлялъ чрезвычайныя затрудненія. Университетская горка безобразными извилинами круто спускалась къ берегу Лопани и на мѣстѣ теперяшняго превосходнаго вехода, не было до 40-хъ годовъ никакой лѣстницы, ни даже земляныхъ ступенекъ, такъ что приходилось съ трудомъ карабкаться по этой крутизнѣ. Кокоркинъ обрѣзалъ эту гору въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, поставилъ лѣстницу, хотя сначала и деревянную, устроить на горѣ и внизу сквера. Подъ горою построилъ рядъ каменныхъ лавокъ съ стеклянною галлереєю, который въ честь его прозванъ Сергіевскимъ рядомъ. Университетскій дворъ, со стороны Лопани, во всю длину его обвелъ онъ каменною оградой.

Присутственныя мѣста были тамъ же, гдѣ и теперь, но построены полудугою и весьма неудобны уже по тому, что во всю длину, между двухъ рядовъ комнатъ дугобразно проходилъ темный корридоръ, постоянно освѣщаемый каганцами съ конопляннымъ масломъ, тусклыми, распространявшими копоть и вонь. Вообще, въ то время присутственныя мѣста содержались крайне неопратно и неряшливо, въ гармоніи со служившими въ нихъ въ то время приказными взяточниками. Все прежнее зданіе было сломано и построено вновь. При этомъ подрядчики Лукинъ и другой, котораго не припомню, оказались не въ состояніи окончить работу за первоначальную цѣну, обанкрутились и высиѣли въ тюрьмѣ.

Ветеринарное училище, теперь Ветер. Институтъ, воздвигнуто и открыто также при Кокоркинѣ, въ 1850 году. Много стараній прилагалъ онъ также къ устройству и украшенію университетскаго сада; между прочимъ, онъ заградилъ довольно глубокой ярѣ со стороны Ветерин. Института, съ цѣлью устроить на горѣ резервуаръ, но на слѣдующую весну, сильнымъ напоромъ воды, его все-таки прорвало, и эта попытка не возобновлялась.

Для того, чтобы имѣть на-готовѣ воду въ случаѣ пожара, по его приказанію, на всѣхъ постройкахъ съ соломенными крышами, какихъ было много въ Залопанской и Захарьковской частяхъ, на Москалевкѣ, Заиковѣ и Журавлевкѣ, а также и на деревянныхъ крышахъ, устраивалась по срединѣ крыши доска и на ней устанавливалась кадлушка съ водой, на подобіи того, какъ это дѣлалось въ военныхъ поселеніяхъ. Вдоль троттуаровъ жители обязаны были сажать деревья.

Ветхіе дома назначались въ сломку и льготный для этого годъ крупными цифрами надписывался на стѣнѣ дома. Мѣра эта, особенно для бѣдныхъ жителей, была крайне стѣснительна, такъ какъ по сломкѣ имъ некуда было дѣваться, а средствъ для постройки вновь не было, кредита также; только въ послѣдствіи таковой былъ устроенъ при строительномъ отдѣленіи.

Рано утромъ, ежедневно, можно было видѣть Сергія Александровича на производимыхъ работахъ, особенно при сооруженіи мостовъ, въ сопровожденіи распоряжающагося ими, несмѣннаго инженеръ-капитана Пала; или на земляныхъ работахъ, производимыхъ арестантами, подъ присмотромъ ка-

питана Флоринскаго. Затѣмъ объѣзжалъ онъ, въ сопровожденіи казака или адъютанта, городъ, не спуская ни кому за замѣченные по пути безпорядки, а особенно полиціи, которая при немъ не дремала. Такъ, однажды, при въѣздѣ на Холодную гору видитъ онъ несломанной хату, на которой назначенный для сломки срокъ уже минулъ. Сер. Александр. останавливается и требуетъ къ себѣ владѣльца. Выходитъ съ низкимъ поклономъ женщина, хозяйка дома.

— Отчего у тебя до сихъ поръ домъ не сломанъ; срокъ, для этого назначенный, давно минулъ?

— Помилуйте, ваше благородіе, говоритъ она въ отвѣтъ, я бѣдная вдова съ малыми дѣтьми, куда-же я дѣнусь; да и самъ фартальный мнѣ позволилъ жить.

— А сколько ты ему за это заплатила?

— Да нисколько. Какіе-же у меня гроши! Дала я ему подсвинка. И спасибо ему, позволилъ жить.

Возвратясь домой, Кокоскинъ посылаетъ жандарма за квартальнымъ. Является.—Какъ смѣлъ ты отмѣнить мое приказаніе и отъ себя разрѣшить, такой-то, не ломать дома?—Виновать, ваше превосходительство, она бѣдная вдова съ дѣтьми и ей негдѣ жить, отвѣчаетъ трепещущій квартальный. А подсвинка взялъ у этой бѣдной вдовы?—Виновать, ваше превосходительство!—То-то, что виновать! Ну, отвези же сейчасъ обратно этого подсвинка и не смѣй въ другой разъ своевольно распоряжаться. Ну, ступай! Жандарму приказалъ онъ отправиться съ квартальнымъ на его квартиру и наблюдать за немедленнымъ исполненіемъ даннаго ему приказанія. Жандармъ не дозволилъ квартальному положить подсвинка въ мѣшокъ, а взвалилъ его на дрожки, и квартальный, въ сопровожденіи жандарма, провезъ подсвинка посреди дня по улицамъ Харькова, по всей Екатеринославской улицѣ, мимо дома, бывшаго Сомова, гдѣ жилъ генералъ-губернаторъ, на почѣху почтеннѣйшей публики, на мѣсто его родины. Домъ мѣщанина Галенки, на Классическомъ переулкѣ, теперь Тимченка, также назначенный въ сломку, послѣ неоднократнаго напоминанія объ исполненіи предписанія, въ отсутствіи хозяина, по приказанію С. А. сломанъ полицейскими.

Работы по городу, за исключеніемъ постройки мостовъ, присутственныхъ мѣстъ, Ветеринарнаго училища и нѣкоторыхъ другихъ зданій, произведенныхъ по подряду, производились хозяйственнымъ способомъ—арестантами. Для этой цѣли испрошено Кокоскинымъ разрѣшеніе на устройство на Холодной горѣ арестантскихъ ротъ. Кромѣ того на счетъ города куплено 50 паръ воловъ и столько-же телѣтъ, нужное количество инструментовъ: лопатъ, заступовъ, домовъ, тачекъ и проч. Волы на зиму продавались и весной вновь покупались. Кормились большею частью подножнымъ кормомъ, но давали и сѣна, запасеннаго во-время.

При всей экономіи, соблюдаемой С. А., денежные средства, которые требовались отъ городского управленія, были довольно значительны. Между прочимъ, въ 1852 г. понадобилась сумма около 100 тысячъ, въ которыхъ, бывший тогда городской голова Рудаковъ, наотрѣзъ отказалъ, заявивъ, что онъ нуженъ городу на текущіе расходы. Но тогдашнія времена—не нынѣшнія. Такой отказъ на требованіе генералъ-губернатора былъ сочтенъ за ослушаніе и дерзость, за которыя послѣдовало примѣрное взысканіе. Рудаковъ былъ смѣщенъ и преданъ суду, а затѣмъ, по лично принесенной Кокоскинымъ государю, въ бытность его въ сентябрѣ 1852 года въ Харьковъ, жалобѣ, посланъ въ г. Уфу на 3 года. Рѣшеніе послѣдовало 8 октября 1852 года, а выѣхалъ онъ съ женою, дочерью и нянькою, въ сопровожденіи жандарма, изъ Харькова 12 октября. Проводы всѣми уважаемаго и любимаго городского головы походили на процессію,

бывающую во время встрѣчи иконы. Велѣдъ за нимъ потянулся нескончаемый рядъ куческихъ экипажей, а вокругъ ихъ и за ними пѣшкомъ прочіе жители города. Съ плачемъ и рыданіемъ процессія прошла мимо квартиры генер.-губернатора, который не обратилъ вниманія на эту демонстрацію, такъ какъ не злоба руководила дѣйствіями его, а убѣжденіе въ томъ, что долгъ службы требовалъ поддержанія его авторитета и устрашенія ослушниковъ. Въ доказательство незлобивости Кокошкина, могу добавить, что по ходатайству его, объявлено Рудакову, по прибытіи въ Уфу, всемиловѣйшее прошеніе, но онъ самъ уже не захотѣлъ вернуться въ Харьковъ до истеченія срока ссылки.

Въ сентябрѣ 1852 года, какъ сказано выше, Харьковъ посѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ. Онъ былъ сперва въ Успенскомъ соборѣ, потомъ въ тюрьмѣ, затѣмъ прибылъ во 2-ю гимназію, гдѣ ученики, какъ приходящіе, такъ и пансіонеры, въ торжественномъ залѣ были въ ряды поставлены по росту, меньшіе впереди. Встрѣченный директоромъ Н. П. Красовскимъ, инспекторомъ Д. Г. Жаворонковымъ и законоучителемъ о. Николаемъ, со крестомъ, у гимназической церкви, государь вступилъ въ торжественный залъ, поздоровался съ учениками и, обойдя ряды, остановился на первомъ, гдѣ 4-мъ съ правой стороны изъ меньшихъ стоялъ пансіонеръ 5-го класса Николай Левшинъ, маленькій, но плотный, здоровый, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Государь обратилъ на него вниманіе и на вопросъ объ немъ—директоръ заявилъ, что онъ особые успѣхи оказываетъ въ математикѣ.—А чѣмъ желаешь ты быть? спросилъ его Императоръ.—Медикомъ, Ваше Импер. Велич., отвѣтилъ ему Левшинъ.—Ну, будь-же ты медикомъ! Затѣмъ, обойдя ряды, остановился на послѣднемъ съ лѣвой руки, на росломъ Шафоростовѣ.—Въ какомъ онъ классѣ? Въ 5-мъ, отвѣчаетъ ему директоръ. Который ему годъ? 18-й, Ваше Импер. Вел. Отчего же только въ 5-мъ? Онъ, по бѣдности родителей, не рано поступилъ въ гимназію, но учится хорошо.—Да это настоящій отецъ семейства, шути прибавилъ Государь, и затѣмъ отправился по заламъ благороднаго при гимназій пансіона: въ столовую, рекреационную, въ залъ занятій, въ дуртуаръ, въ больницу, гдѣ внимательно относился къ больнымъ и доктору Нарановичу. Оттуда изволилъ прослѣдовать по классамъ, гдѣ уже ученики занимали свои мѣста также по ранжиру. Дойдя до 5-го класса, Государь воскликнулъ:—И ты здѣсь, отецъ семейства! на Шафоростова. Во 2-мъ классѣ обратилъ онъ вниманіе на сидящихъ на первой скамьѣ двухъ братьевъ, очень миловидныхъ, сыновей директора Красовскаго. Государь взялъ одного за подбородокъ и обращаясь къ окружающимъ сказалъ:—*Quel joli garçon!*—Это мой сынъ, отозвался, съ почтительнымъ низкимъ поклономъ директоръ.—„Ну, будь-же ты такой, какъ твой папа!“ Къ концу Государь соизволилъ, по просьбѣ директора, въ дежурной комнатѣ собственноручно занести, въ поданную ему красную книгу, день, незабвенный для учащихся 2-й гимназій, посѣщенія Его Имп. Величества. Государь остался доволенъ порядкомъ 2-й гимназій, благодарили, и въ знакъ своего благоволенія изволилъ пожаловать директора Анною 2-й степени.

Въ два часа государь отправился въ больницу Приказа общественнаго призрѣнія на Сабуровой дачѣ. Возвращаясь оттуда и проѣхавъ мимо 1-й гимназій, гдѣ также съ утра ожидали царя ученики и служащіе, онъ вспомнилъ объ ней уже около собора и приказалъ вернуться. Тѣмъ временемъ директоръ Димчевичъ, огорченный неудачею приказалъ разойтись по домамъ, самъ-же отправился велѣдъ за государемъ въ городъ. Исправлявшій должность инспектора, уч. математики, Лопушанскій, повелъ пансіонеровъ въ столовую, а докторъ, бывшій профессоръ, Иванъ Николаевичъ Райпольскій (знаменитая по своей оригинальности личность)—въ больницу. Неожиданная перемѣна фронта—возвращеніе его величества въ 1-ю гимназію—какъ громомъ ошеломило начальство гимназій. Директоръ, не смѣя обгонять экипажъ государя, смиренно долженъ былъ слѣдовать въ

почтительномъ отдаленіи, такъ что некому было встрѣтить Государя. И. д. инспектора, увѣдомленный о прибытіи императора, едва успѣлъ надѣть мундиръ и въ попыхахъ, дрожа отъ испуга, предсталъ передъ нимъ. Позже уже явился директоръ. Такая встрѣча, естественно, не понравилась государю и нерасположеніе духа его замѣтно было уже съ перваго взгляда. Онъ отправился въ больницу, гдѣ, прочитавъ на таблицѣ надъ кроватью *Febris intermittens* спросилъ больного, чѣмъ онъ болѣнъ. Рана на ногѣ, Ваше Имп. Вел.—Отчего-же на таблицѣ не выставлена настоящая болѣзнь, а другая? обратился онъ къ Райпольскому.—Э... это я. Ва...ше импе...ра-торское Вели...чество доо...кл...а...дывалъ г. инспектору, чтобы перемѣнили, но не перемѣнили *).—На гауптвахту его, вскричалъ государь.—Простите, Ваше Величество, умолялъ Иванъ Николаевичъ; но государь, махнувъ рукой, отдалъ приказъ Кокошкину посадить на гауптвахту: директора на 1 мѣсяцъ, Рейпольскаго на три недѣли, а инспектора на двѣ недѣли.

Затѣмъ государь посѣтилъ университетъ, гдѣ остался недоволенъ длинными волосами у нѣкоторыхъ студентовъ и запущенными бородами и усами другихъ. Онъ приказалъ остричь и обрить таковыхъ. Слѣдствіемъ было исключеніе до 70 человекъ, большею частью за неуплату за право слушанія лекцій, а другихъ за навлеченный на нихъ гнѣвъ государя.

Былъ государь и въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ остался доволенъ. Осматривалъ городъ и обративъ особенное вниманіе на труды Кокошкина по благоустройству города, милостиво выразилъ ему свою благодарность.

Съ упраздненіемъ генераль-губернаторства Кокошкинъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ по страсти своей къ постройкамъ, изъ любопытства, взобравшись на подмостки какого-то строившагося зданія, по неосторожности оступился и поплатился жизнью.

*) Ив. Н. Райпольскій заикался и особенно когда былъ взволнованъ.